

Кире необычайно повезло — заметив, что пожилой уставший дядька начал тяжело подниматься, прихватив свои вещи, она сумела как-то бочком, бочком, осторожненько, но целеустремленно вклиниться между двумя мужчинами и женщиной, зазевавшимися у входа в кафе, и занять освободившееся место за маленьким столиком. Проямлила мужчине нечто невразумительное — не то извинение, не то благодарность, мило улыбнулась и плюхнулась на диванчик, перехватив недовольные взгляды обойденных ею в очереди.

Ну, извините! Некрасиво, конечно, и даже где-то стыдновато, но в полном коллапсе, творившемся в аэропорту, отыскать свободное место в кафе приравнивалось к маленькому чуду и небывалому везению.

Или наоборот? Да какая разница — везение или что там еще! Всем прекрасно известно: когда в аэропортах засада с задержкой рейсов — это что-то! Апокалипсис! Какое там кафе?! Сесть негде, — лечь, правда, можно. На полу у стенок лежите на здоровье, граждане ожидающие, а вот

сесть, извините — любимая табличка времен застоя: «мест нет!».

А кофе хотелось нестерпимо! Горячего капучино. Большую кружку, и так, чтобы шапка сливок, посыпанных корицей! Ум-м-м! Красота! И посидеть в цивилизованном пространстве, и ноги свободно вытянуть, а не на продуваемом подоконнике, как курочка на жердочке.

Устала она. До мелкой дрожи и звона во всем теле! Провела три пары занятий, бегом в магазин и на рынок, бегом домой, приготовила торжественный ужин и — в аэропорт. С нетерпением ожидая такой долгожданной встречи, даже маленький симпатичный букетик прихватила.

Ага, сказала природа. Это вам, девушка, в Майами или на Канары, с такими-то оптимистичными ожиданиями и цветочками, а не в Россию в середине декабря!

В аэропорту ждут они! Ха! Хмыкнула она же, матушка-природа, и задала такую метель с вьюгой на пол-России! От души! Предновогодний подарочек, так сказать.

И ведь, зараза, вроде бы ничего не предвещало — и денек задался тихий, спокойный, даже солнышко проглядывало, и ни ветерка, и ни намека, — благодать, одним словом. А в семь вечера вдруг потемнело, потемнело, плюнуло предупреждающе снегом, подуло не нагло, лениво, а через полчаса такое началось! Что и лихой человек на промысел не выйдет, какие уж там самолеты!

Но в справочной аэропорта, куда Кира с трудом дозвонилась, ей сообщили, что рейс прибует по расписанию. По всей видимости, такую же обнадеживающую информацию огласили и остальным сильно сомневающимся гражданам, обращавшимся за справками в тот день, и как результат — сотни застрявших в аэропорту страдальцев. Сидящих, лежащих, стоящих в змеевидных длинных очередях в туалеты, мечтающих завоевать местечко в любом кафе — одинаково унылых, уставших, с налетом отчаяния на лицах, людей, перемещающихся по зданию, уже никуда не спеша и напоминая чем-то келоидную массу слабого возмущения, над которой стоит непрекращающийся гул голосов.

Кира сделала заказ подошедшей официантке, попутно успокаиваясь после маленькой победы, вызвавшей легкое суетливое возбуждение, магнула взглядом по соседу за столиком, вежливо мимолетно поздоровалась, не остановившись на его рассматривании, погруженная в свои переживания.

Все это хорошо — и кофе, и то, что смогла место занять в не свойственной ей никоим образом пронырливой манере, но...

Рейс, который она встречала, уже задержали на два часа, и наверняка задержат еще. А Ксения Петровна — немолодой и не очень здоровый человек, ей любые нагрузки и переживания противопоказаны, тем более сидение в переполненных аэропортах и трудные ночные перелеты. На этом

моменте размышлений сам собой возникал конфликт противоречивых чувств. С одной стороны, Кира, организовавшая приезд любимой преподавательницы, с нетерпением ждала этой встречи — так много всего хотелось обсудить с Ксенией Петровной, а с другой — переживала, понимала, что той лучше поберечься и никуда не лететь при подобных обстоятельствах.

Возникло некоторое оживление в зале, люди подтягивались к информационным табло, запрокидывали головы в ожидании новой информации. Одно табло находилось рядом с кафе и было хорошо видно всем посетителям, цифры на сплошь красных строчках мигнули, поменялись, вызвав в рядах пассажиров громкие разочарованные возгласы. Колокольцами прозвучал сигнал включения громкого оповещения, и спокойный приятный женский голос принялся монотонно перечислять рейсы и время их очередной задержки.

Это, знаете, как-то раздражало — на фоне безнадёжного ожидания стольких людей, застрявших здесь неизвестно насколько, такой милый ровненький голосок.

— Вот же, черт! — присоединилась к всеобщему негодованию Кира.

— Вы встречаете или улетаете? — спросил сосед по столику.

— Встречаю, — вздохнула она горестно-безнадёжно.

— Вот и я встречаю, если это можно так назвать, — поддержал пессимизм соседки мужчина.

— А вы какой рейс ждете? — оживилась Кира и наконец-то удостоила соседа заинтересованным взглядом.

И... забыла дышать, схлопотав мгновенный шок от узнавания! Может, и рот открыла, и глаза выпучила неосознанно, хорошо, он не видел, отвлеченный официанткой, размещающей на небольшом пространстве столика Кирина заказ. А Кира...

Дышать она вспомнила, и даже рот закрыла, и с первым шоком справилась, но, как ни старалась, совладать с рвущейся улыбкой не могла! Вот не могла и все!

И осмыслить и поверить не могла никак, что вот так просто сидит с ним за одним столиком! Вот реально! В жизни! И так запросто, так близко!

— Я встречаю триста двадцать пятый из Москвы, — ответил объект шокового узнавания на ее вопрос, как только расстановка тарелок была закончена и отошла официантка.

— Я тоже, — радостно, как праздничную речовку, произнесла Кира и, не удержавшись, звеня голосом и сияя глазами, сообщила: — Вы Николай Крайнов!

Выражение его лица мгновенно изменилось! Из дружелюбного товарища по несчастью он сразу превратился в отстраненного холодного му-

жика, дистанцировавшегося на километры жизни. Сосед недобро глянул на нее и неприязненно спросил:

— Мы встречались?

— Да! — радостно улыбалась Кира.

— Это вряд ли, — холодил тоном мужчина, только что не кривясь от досады. — У меня хорошая память на лица, вас я не помню.

Сказал, подчеркивая дистанцию между ними, даже движение корпусом сделал весьма однозначное — встать и уйти, подальше от внимания девушки, явно навязчивой.

Она помнила, когда у него делалось такое выражение лица.

В той, другой его жизни, когда Николай давал многочисленные интервью, у него всегда лицо становилось таким — отстраненным, предупреждающе холодным, словно заледеневшая маска, если журналисты задавали ему нетактичные или откровенно наглые вопросы о личной жизни. Он изменился с того времени и выглядел старше своих лет, не в том смысле, что потертый и постаревший раньше времени, а словно мудрость какую-то приобрел, тайну познал, преодолев испытания нелегкие. Наверняка так оно и было.

А Кира, догадавшись о направлении его мыслей и возникших предположений на ее счет, развеселилась еще пуще:

— Да вы не беспокойтесь, Николай, я не принадлежу к числу ваших бывших девушек и многочисленных поклонниц. Мы познакомились с

вами чуть раньше вашей мировой славы, — все улыбалась и улыбалась она, не обращая внимания на неприкрытую холодность и нежелание мужчины беседовать дальше. — Мне было четырнадцать лет, вам шестнадцать, и вы катали меня на велосипеде в дачном поселке и, кажется, были в меня влюблены!

Он остановился, уже почти поднявшись из-за стола, сел обратно, внимательно присмотрелся к ней, видимо, вспомнив что-то такое из изложенных ею фактов, и удивленно спросил:

— Вы Кира?

— Да! — она кивнула, продолжая излучать радость.

— Я помню, — не устоял перед напором ее радости и сдержанно улыбнулся в ответ Николай Крайнов. — У вас была странная фамилия...

Он свел брови, как делают люди, стараясь припомнить нечто, что вертится в голове совсем близко, только не удержишь никак — ускользает, и даже жест своеобразный рукой сделал, сопутствующий процессу вспоминания.

— Белая! — ткнул он в ее сторону указующим перстом, как и положено, радуясь силе своей памяти, и теперь уж открыто улыбнулся ей навстречу. — Кира Белая! И еще вы очень красиво играли на пианино, а мы с пацанами перелезали через забор и подслушивали под окнами, попутно воровали ужасно вкусную сливу с вашего же дерева и ели, пока слушали!

И, лукаво сверкнув глазами, признался, немного удивив Киру:

— И да, действительно я был в вас влюблен! — И все рассматривал ее изучающее-удивленно. — Неужели это на самом деле вы, Кира Белая?

— Это я! — подтвердила она и рассмеялась. — На этом месте полагается спрашивать: «А что, я так сильно изменилась?»

— Изменились, — уверил Николай. — Не то чтобы сильно, но теперь вам точно не четырнадцать лет.

— Да! — зазвенела легким смехом Кира. — Тогда я была ужасно длинноногая, худая, как жердь, с вечно растрепанными волосами, которые так и норовили вылезти из любой, самой плотной косы. И, по-моему, у меня постоянно обгорал и облуплялся нос.

— И у вас были потрясающие веснушки! — дополнил картину мужчина. — Они меня просто с ума сводили!

— А про то, что вы воруете сливы, мы все знали, и папа запрещал нам их самим собирать, говорил: пусть у поклонников будет дополнительный стимул слушать твою игру...

Ее прервала мелодия сотового. Извинившись, Кира полезла в сумку, торопливо извлекла телефон:

— Да!

— Кирочка, — печальным голосом отозвалась Ксения Петровна. — Рейс отложили еще на два

часа. Ты уж извини, детка, но это мне не по силам. Да и тут у нас такое светопреставление! Метет все сильнее и сильнее, по новостям передают, что так до следующего утра будет. Билет я сдала, меня пропустил без очереди приятный молодой человек. Поеду домой, пока электричка ходит.

— Ну и правильно, Ксения Петровна, — согласилась Кира, — ужасно жаль, что так получилось, но что поделаешь.

— Да, не повезло нам! — вздохнула Ксения Петровна и немного взбодрившимся голосом предложила: — Я вот что подумала: ты, Кирочка, организуй видеосъемку выступлений и сама в Москву приезжай, привози. Посмотрим вдвоем твоих ребят, все обсудим, поговорим. Давай числа пятого января. И праздники отшумят, и мы не торопясь пообщаемся. А? Как тебе предложение?

— Замечательно! — согласилась Кира. — Так и сделаем. И приеду обязательно! Ксения Петровна, вы, как домой доберетесь, позвоните мне, что все в порядке.

— Позвоню, Кирочка. Ну, до встречи!

— До свидания, Ксения Петровна, аккуратнее идите, раз метет так.

— Поостерегусь, обещаю.

Кира нажала кнопку отбоя, вздохнула с легкой печалью и посмотрела на Николая Крайнова, собираясь поделиться не самой приятной новостью о разбушевавшейся в Москве стихии. Он

тоже разговаривал по мобильному и, по всей видимости, получал данную новость от очевидцев.

— ...и что, вы там всю ночь сидеть намереваетесь? — недовольно вопрошал у кого-то Крайнов и, выслушав ответ, вздохнул обреченно: — Ну, ладно, звоните.

Положил телефон на стол и спросил:

— Из Москвы звонили?

— Да, — кивнула Кира. — Я встречала Ксению Петровну, мою бывшую и любимую преподавательницу по фортепьяно, но она билет сдала и едет домой. В Москве страшно метет, и вряд ли до утра эта катавасия закончится, а Ксения Петровна человек пожилой и не очень здоровый. Так что я свою вахту встречи закончила. А ваши как, будут ждать?

— Да, — выразил недовольство Николай и даже рукой махнул. — Родители решили, что посидят еще два часа в аэропорту, подождут. Они неплохо там устроились, на каком-то удобном диване, у них ноутбук с собой, смотрят фильмы, которые скачали из Сети. Подозреваю, что они просто не хотят, чтобы я ночью по такой погоде домой возвращался.

— А вы что, здесь живете? — удивилась Кира.

— Не совсем здесь, в «Метели», — пояснил он.

— Ну, ваши родители, наверное, правы, — осторожно предположила Кира. — До вашего знаменитого поселка отсюда часа, наверное, два, если не больше, на машине ехать, а ночью, да при таком снеге...

И вдруг, без предупреждения и предварительных намеков, Киру посетила неожиданная мысль, да такая четкая, настойчивая, что она, и посомневаться не успев, выпалила:

— А знаете что, Николай, поехали ко мне!

— Куда к вам? — опешил он от напора и энтузиазма, с которым было выдвинуто предложение. — Вы же вроде москвичка?

— Теперь я живу в этом городе, — сообщила она и принялась настойчиво расширять свое предложение: — Поехали, что вам здесь сидеть. До моего дома минут сорок езды, и торжественный ужин простаивает, я его готовила для Ксении Петровны. Ваши родители позвонят, мы такси вызовем, и вы спокойно доедете до аэропорта.

— Я на машине, — рассеянно сказал Николай.

— Тем более! — воодушевилась Кира. — И не говорите, что это неудобно!

— Ну, это действительно неудобно, и я уже договорился с друзьями, что приеду к ним ночевать, если рейс еще раз отложат, — непонятым тоном ответил он: не то аргументы отказа приводил, не то сомнения высказывал.

— А у них есть торжественный ужин? — чуть прищурившись лукавой искушающей лисичкой, спросила Кира.

Он рассмеялся легко, свободно и очень по-мужски эротично, у Киры аж мурашки по позвоночнику побежали.